

Анархо-синдикалисты и Профинтерна.

В революционно-синдикалистском мире происходит сейчас большое брожение. За или против Профинтерна— вот как ставится вопрос; и во всех странах, где имеются значительные группы рабочих, находящиеся под влиянием революционно-синдикалистских идей, идет ожесточенная борьба сторонников и противников Профинтерна.

За 8 месяцев, прошедших со времени Первого Конгресса Профинтерна, в анархо-синдикалистском профдвижении наметились три течения: безоговорочные сторонники Профинтерна, сторонники Профинтерна с оговорками и решительные противники его. Все эти группировки исходят в своей полемике из одних и тех же принципов, и если они дают разные ответы на поставленный вопрос, то только потому, что они различно понимают программу и тактику Профинтерна и неодинаково учитывают опыт войны и революции. Рассмотрим же подробно всю борьбу течений внутри синдикализма по поводу вопроса о Профинтерне.

Еще во время Первого Конгресса Революционных Профсоюзов (июль 1921 года), как только была принята первая резолюция о взаимоотношениях между Коминтерном и Профинтерном, французские синдикалисты выступили с самым решительным протестом против всякой связи между этими двумя Интернационалами. Протест основывался на Амьенской Хартии и на принципе независимости и автономии профдвижения. Этот принцип независимости и автономии проходит красной нитью через все рассуждения анархо-синдикалистов и является основой всех принятых по этому поводу резолюций, как в Европе, так и в Америке.

Что же представляют собой автономия и независимость, заставляющие революционных синдикалистов Франции, Ита-

лии, Америки и других стран выступать против принятых решений? В чем суть этой независимости? Синдикалисты исходят из той точки зрения, что единственными организациями рабочего класса, которые подготовят социальную революцию и реализуют ее результаты, являются профсоюзы, что никакие другие организации не могут и не должны брать на себя эту задачу и что всякая организация не синдикального характера по самому существу своему является оппортунистической и нерабочей. Исходя из этого основного принципа, синдикалисты требуют признания за профсоюзами исключительных прав и полной монополии на рабочий класс, предоставляя политическим партиям заниматься организацией других элементов, стоящих вне рабочего класса. Таким образом, теория независимости имеет в своей основе теорию исключительности профессионального движения или супрематию профессионального движения над всеми другими формами рабочего движения, а также ту мысль, что экономическое движение пролетариата является универсальным, исчерпывающим, и что политика — скорее выдумка буржуазии, чем естественный вывод из классовой борьбы. Итак, теория независимости в ее чистом виде покоится на разделении политики и экономики.

Однако, синдикалисты не удерживаются на этой позиции, ибо в основу их учения положена неизбежность низвержения капитализма рабочим классом. А там, где рабочий класс противопоставляет себя другому классу, во всех тех действиях, где мы имеем противопоставление класса эксплуатируемых классу эксплуататоров и его органу—государству, мы имеем дело с политикой. Таким образом, самое отделение экономики от политики не только теоретически неправильно, но и на деле оно никогда не соблюдалось революционными синдикалистами, ибо они хотели вести классовую борьбу, а классовая борьба есть борьба политическая. Противопоставляя экономику политике, революционные синдикалисты по преимуществу хотели противопоставить непосредственное действие масс чисто парламентской борьбе, так что по существу революционно-синдикалистское движение в латинских странах имело здоровую классовую подоплеку. Это было в свое время протестом против парламентского кретинизма, против крайнего реформизма, против надежды на мирный переход

к социализму и против теории притупления классовых интересов. Но этот законный и прогрессивный протест рабочих против искажения классовой борьбы нашел свое идеологическое выражение в теории, которая выбрасывает за борт всякую политику, советуя сосредоточиться исключительно на экономике. Однако, еще до революции синдикалисты для того, чтобы охарактеризовать размах своей борьбы, называли ее часто не экономической борьбой, а социальной, имея в виду борьбу против всей капиталистической системы. Но будем ли мы говорить о социальной борьбе или о борьбе политической—суть дела от этого не меняется, а важно то, что синдикализм ставит пред собой задачу низвержения капитализма и создания какого-то другого общества, основанного на антикапиталистических принципах. Это же как-раз и есть политика, ибо ничего другого понятие «политика» в себе не заключает. Политической борьбой мы называем такую борьбу, которая противопоставляет один класс другому, которая объединяет, сплачивает эксплуатируемых для того, чтобы низвергнуть эксплуататоров и их государство и затем на месте капиталистического общества установить общество социалистическое. Пусть синдикалисты называют свою борьбу, как они хотят. Суть вопроса сводится к тому, какая форма рабочих организаций наиболее приспособлена к осуществлению этих задач: нужна ли для социального переворота политическая партия пролетариата, или это может сделать и профессиональная организация.

Что такое партия? Партия есть объединение единомышленников, стоящих на определенной платформе, одинаково понимающих задачи рабочего класса и действующих по единому плану. Партия не есть нечто стоящее вне класса, она есть эманация определенного класса даже в том случае, если в ее составе имеются выходцы и из других классов. А что представляет собою синдикализм? Возьмем революционный синдикализм Франции на протяжении последнего десятилетия. Говорить о том, что в с я Всеобщая Конфедерация Труда до войны была революционно-синдикалистской, не приходится. Она не только имела в своем составе половину реформистских профсоюзов, но и в самих профсоюзах революционные синдикалисты были в меньшинстве. По существу революционный син-

дикализм Франции был своеобразной внепартийной партией. Революционные синдикалисты представляли собой внутри профессиональной организации активное меньшинство, которое имело свою программу, свою тактику, проводя эту свою программу и тактику в рамках широкой профессиональной беспартийной организации. Революционные синдикалисты имели и имеют все признаки политической партии. Разница заключается в том, что эта партия выросла из профсоюзов, тогда как коммунистические партии складывались не внутри профдвижения, а вне его, вырастая из того же корня рабочего движения данной страны. Таким образом, в латинских странах, благодаря своеобразному общественному развитию, особенностям парламентского строя, своеобразной социальной структуре и реформистскому социализму, революционная партия начала формироваться внутри профсоюзов, принимая антипартийную форму, принимая антипартийные лозунги и антипартийную платформу. Но это ни в какой мере не мешало революционным синдикалистам быть своеобразной политической группировкой, ведущей определенную политическую борьбу.

Если так подойти к вопросу, то для нас станет понятной и сама теория независимости. Как понимать утверждение, что только союзы подготовят революцию, проведут ее и реализуют ее результаты? Его надо понимать так, что профсоюзы заключают в недрах своих все элементы, необходимые для низвержения капитализма и прежде всего организованный, сплоченный авангард, опирающийся на сочувствие широких масс, т.-е., что внутри профсоюзов имеется партия, которая эту революцию осуществит. И чем сильнее в профдвижении это революционное синдикалистское ядро, чем большее давление оно оказывает на окружающий мир, тем резче подчеркивается теория независимости. Правда, эта теория принимает форму независимости профсоюзов, как таковых, от других партий, но в основе своей дело идет о независимости революционно-синдикалистской партии от всех других, в данных условиях от коммунистической партии, т.-е. иначе говоря, о соперничестве двух политических группировок и направлений, из которых каждая претендует на руководство рабочим классом и на подготовку и осуществление социального переворота.

Итак, мы стоим перед своеобразной партией, и совершенно естественно, что эта партия так много говорит о независимости и автономии. Но оставим на одну минуту эту партию и посмотрим, в чем выражается эта независимость и автономия. Независимость от кого, и автономия по отношению к кому? Независимость по отношению к капитализму?—Да. По отношению к реформизму?—Несомненно. Здесь мы согласны с синдикалистами, но когда речь идет о независимости по отношению к коммунизму, — начинаются наши разногласия, ибо одновременно с постановкой этого вопроса не ставится вопрос о независимости по отношению к анархизму, а между тем, центр тяжести именно в этом. Революционный синдикализм представляет собой политическую партию, ставящую себе задачей низвержение буржуазии и установление нового общества, и эта партия должна совершенно ясно и отчетливо поставить перед собою вопрос: как она проведет в жизнь эту задачу? К счастью для рабочего класса всех стран, этот вопрос может быть сейчас поставлен практически. Русская революция дает положительный и отрицательный опыт в этом отношении, позволяя нам поставить вопрос во всей его прозаической конкретности. И здесь мы подходим ко второму вопросу, на который всегда наталкиваются революционные синдикалисты и который мешает их вступлению в Красный Интернационал Профсоюзов, а именно на вопрос о диктатуре пролетариата.

Диктатура пролетариата представляется синдикалистам чем-то в роде апокалипсического зверя. Самый распространенный лозунг анархо-синдикалистов, это—долой всякую диктатуру. Но так как они не могут отрицать того простого факта, что весь капиталистический мир живет в условиях диктатуры буржуазии, то их отрицание всякой диктатуры направлено против права рабочих — насильственно низвергнуть власть буржуазии, т.-е. права рабочего класса на социальную революцию. Этот отвлеченный, на первый взгляд, принцип начинает играть довольно видную роль в конкретной, практической борьбе. Рассмотрим, какое содержание вкладывают революционные синдикалисты в понятие диктатуры пролетариата, и что такое диктатура пролетариата вообще. Постараемся подойти к этому вопросу чисто практически.

Допустим на одну минуту, что противники диктатуры и пламенные сторонники независимости, каковыми и являются французские синдикалисты, добились своего и низвергли буржуазию. Пусть все произошло так, как предполагали анархо-синдикалистские руководители Унитарной Конфедерации Труда. Зловредной коммунистической партии не было, синдикалисты были совершенно независимы, рабочий класс восстал, произошли кровавые столкновения; организованные буржуазией полицейские банды и специальные бригады были выбиты не только из рабочих кварталов Парижа, но и из рабочих кварталов других городов; Союз Синдикатов Сенского Департамента стал центром революционных событий. Какие задачи встанут теперь перед профсоюзами, победившими в первой схватке свою буржуазию? Пред ними станут три задачи: 1) борьба с контр-революцией внутри страны; 2) военная оборона французской профессиональной республики от английских, испанских, итальянских и других войск, которые хотели бы восстановить старый порядок, и 3) организация производства и распределения продуктов.

Что же означает борьба с контр-революцией? Эта борьба требует создания таких органов, которые бы вели беспощадную борьбу со всеми явными и тайными организациями, которые вздумали бы реставрировать старый порядок. Победившая революция захватит банки, заводы, фабрики, коммерческие учреждения. Она переселит в богатые дома бедняков из рабочих кварталов, и поэтому вызовет жестокое противодействие со стороны всех тех, кто пострадал от этого. Буржуазия обучалась военному делу, среди ее молодежи много спортсменов, среди чиновников она насчитывает множество сторонников ее образа мыслей. Начнется саботаж во всех учреждениях, начнут формироваться явные и тайные банды реставраторов, которые «во имя цивилизации, культуры, демократии и вечных принципов Великой Французской Революции» и т. д. и т. п., захотят во что бы то ни стало получить обратно потерянные дома, капиталы, фабрики и заводы. Если бы Союз Синдикатов Сенского Департамента не обратил внимания на борьбу с контр-революцией, он был бы в одну-две недели сметен. Ему придется создать какой-нибудь специальный орган, который будет этим делом заниматься. Ему придется создать

особую рабочую гвардию, вооружить рабочих ружьями, пушками, танками, аэропланами для того, чтобы охранять то, что отобрано у буржуазии, и в случае необходимости обрушиться на противника.

Конечно, вооружение рабочих, создание особой рабочей милиции или рабочей гвардии, борьба с оружием в руках против контр-революционеров — все это вызовет бешеную ненависть и бешеную атаку всей контр-революционной прессы. Союз Синдикатов Сенского Департамента будет обвинен в тирании, в диктатуре, и если это обвинение окажет на него влияние, если в результате этой травли у него хоть на минуту опустятся руки — рабочие будут разбиты, и будет восстановлена тирания и диктатура буржуазии. Таким образом, самосохранение восставшего пролетариата диктует ему установление твердого и беспощадного режима по отношению ко всем, кто попытается вернуть старые порядки, кто захочет отобрать обратно свои потерянные привилегии. И здесь придется покуситься на свободу прессы, придется, пожалуй, занять великолепные редакционные помещения газет «Матен», «Тан», «Журналь», «Пти Паризьен», «Эко де Пари» и вместо всей этой прессы начать издавать революционную литературу. Конечно, если бы руководители Союза Синдикатов Сенского Департамента это сделали, они были бы обьявлены злостными большевиками, диктаторами, предателями свободы и т. д., но они не могли бы этого не сделать, ибо иначе эти рассадники лжи взорвали бы революцию — борьба началась, и нужно идти до конца. *Le vin est tiré, il faut le boire.*

Таким образом, борьба против контр-революции заставила бы любую рабочую организацию, взявшую власть в свои руки, применять беспощадные меры против своих классовых врагов. Но если интернационализм пролетариата еще недостаточно силен, то интернационализм буржуазии представляет собою серьезный фактор. Революция во Франции вызвала бы взрыв бешеной ненависти в других буржуазных странах. Демократическая Америка, потеряв окончательно надежду на получение не только своего капитала, вложенного во французские займы, но и процентов, начала бы посылать к берегам Франции броненосцы и другие продукты демократического творчества. Испанская буржуазия попыталась бы перейти гра-

ницу, ибо каждая из этих стран считала бы для себя вопросом жизни и смерти скорейшее удушение восставшего пролетариата. Не даром ведь в свое время Бисмарк и Тьер сталкивались пред лицом Коммуны.

Что нужно было бы сделать при таких условиях? Хорошо обучить рабочую милицию, рабочую гвардию превратить в рабочую армию, объявить поголовную мобилизацию пролетариата, поставить под ружье всех трудящихся и эксплуатируемых, ввести строгую дисциплину и начать централизованную борьбу против наступающих врагов. И как бы федералистично ни были настроены анархо-синдикалисты, как бы дороги им ни были федералистические принципы, простой здравый смысл заставил бы каждого революционера централизовать всю самооборону для того, чтобы в нужный момент ударить в самое больное место наших классовых врагов. Итак, пришлось бы создать революционную армию рабочих, для того, чтобы отстоять завоевания революции.

Во время этой борьбы на внутреннем и внешнем фронтах пришлось бы иметь дело с мелкой буржуазией, с мелкими собственниками, пришлось бы столкнуться со всем наследием прошлого, со всеми предрассудками, со всем тем, что накопилось в продолжение многих веков. Рабочий класс во Франции представляет собой меньшинство, против него была бы часть крестьянства, ибо богатым никакой пользы от социализма не будет. Стало-быть, пришлось бы держать крепко в своих руках все, что отобрано у буржуазии, и отбивать всякие попытки вернуть конфискованное имущество прежним владельцам. Здесь пришлось бы прибегать к насилию. Злостных контр-революционеров пришлось бы расстреливать, потому что буржуазия никогда не останавливается ни пред чем, когда нужно восстановить свою власть и доказать пролетариату святость частной собственности. Но не всех же расстреливать: часть пришлось бы изолировать, запереть, пришлось бы для этих господ использовать построенные буржуазией тюрьмы. Конечно, нашлись бы такие чудаки, которые бы начали кричать: как, после социальной революции,—насилия и тюрьмы?—Да, отвечаем мы, насилие и тюрьмы—до тех пор, пока не будет окончательно сломлено сопротивление эксплуататоров. Если вы их не посадите в тюрьму, то они вас посадят.

A la guerre comme à la guerre. Но здесь имеются еще и другие трудности, такие, о каких синдикалистам даже не снилось. Представим себе, что в той же самой Франции после того, как путем торжественного постановления Всеобщей Унитарной Конфедерации Труда или ее исполнительного органа все фабрики, заводы, все орудия и средства производства стали общественным достоянием, начинаются индивидуальные акты со стороны анархистов, индивидуалистов и т. д. Эти господа заявляют, что им дела нет до постановлений союза, они берут то, что считают нужным, и поэтому присваивают себе общественные деньги из банков, забирают в общественных магазинах продукты, не желая подчиняться той дисциплине, которая установлена рабочими. Как бы ни были прекрасны теории анархистов, вряд ли кто-нибудь согласится предоставить им возможность присваивать себе общественное достояние. Если эти анархисты возьмутся за оружие, то их с оружием в руках придется призывать к порядку. Мы видим, таким образом, что профсоюзы, низвергшие буржуазию, вынуждены будут объективным ходом вещей создать органы репрессии против контр-революции, органы защиты от внешних врагов и органы насилия, направленного против тех, кто по анархическим или по каким бы то ни было другим соображениям нарушает пролетарскую дисциплину и интересы всего пролетариата в целом.

Этим, однако, далеко не исчерпываются революционные задачи рабочего класса. На другой же день после социальной революции во весь рост встанет величайшая проблема производства и распределения продуктов. Что такое производство? Каковы его элементы? Производство складывается из живой рабочей силы, фабрик и заводов и административно-технического аппарата, и нужно прежде всего организовать живую рабочую силу, для чего, конечно, будут использованы рабочие комитеты на фабриках. Но можно ли производство организовать таким образом, чтобы каждая фабрика делала, что она хочет? Ведь сырье должно доставляться на фабрику из какого-нибудь единого центра. Франция ведь не имеет всего того сырья, какое ей нужно. Допустим, Франция должна ввозить хлопок из-за границы,—не будет ведь каждая фабрика отдельно выписывать себе хлопок, хлопок будет ввозиться

согласно заранее учтенным нуждам всех фабрик. Нужно его распределить, необходим централизованный аппарат распределения; мало того, необходим также и централизованный аппарат производства, ибо бывают такие моменты, когда интересы страны требуют, например, закрытия тех или других заводов: если бы, допустим, положение во Франции в момент заостренной борьбы оказалось очень тяжелым: не хватало бы продуктов и топлива, вследствие того, что демократические броненосцы президента Гардинга упорно блокировали бы берега Франции,—то пришлось бы ряд заводов закрыть, ряд фабрик приостановить. Пришлось бы решать вопрос, какие именно фабрики приостановить, а этот вопрос может быть решен только центральным органом, знакомым с положением всего производства и представляющим общие интересы всей страны, а не нужды отдельной группы рабочего класса или одной какой-нибудь Федерации.

Какой же орган будет решать все такого рода вопросы? Все та же Конфедерация Труда? Она будет заниматься и производством, и распределением, и охраной внутренней и внешней безопасности республики, и борьбой с контр-революцией. Она же организует народное образование, устанавливает внешние сношения с другими аналогичными республиками и т. д. К чему же мы приходим? К тому, что если бы во Франции профсоюзы низвергли буржуазию, то они вынуждены были создать аппарат управления, аппарат производства, они вынуждены были бы создать рабочее государство, т.-е. как раз ту диктатуру, которая так пугает многих анархо-синдикалистов. Но тут другие синдикалисты говорят нам: против диктатуры рабочих организаций мы не возражаем, мы возражаем против диктатуры партии. Что же это значит? При каких условиях можно было бы более или менее успешно вести борьбу на всех фронтах? При условии максимального единства действий и единства воли в управлении всей страной; при том условии, если бы во главе этого вновь созданного аппарата стояла группа единомышленников, объединенных одной программой, единым пониманием задач рабочего класса и единой тактикой, т.-е. если бы во главе стояла бы политическая партия. Пусть она называется партией революционных синдикалистов,—мы думаем, что она будет называться

коммунистической партией,—но как бы она ни называлась, во главе будет стоять партия, и она будет носителем диктатуры рабочего класса, ибо рабочий класс должен свою диктатуру проявлять. Буржуазия проявляла и проявляет свою диктатуру через свои политические партии, стоящие во главе государства, через аппарат управления, через университет, через свою прессу. Рабочий класс тоже будет проявлять свою диктатуру всесторонне воздействуя на внешний мир. Если бы профсоюзы низвергли буржуазию, они должны были бы создать специальные органы для управления, для решения общих вопросов, специальные органы для производства, распределения и т. д. Таким образом, в конечном счете пришлось бы произвести такое распределение труда, при котором революционно-синдикалистская партия управляла бы страной, давала бы общие директивы в области производства и распределения, а соответствующие профсоюзы и специально для этого созданные органы проводили бы эти директивы в жизнь.

Таким образом, при внимательном рассмотрении вопроса мы благополучно приходим к тому выводу, что революционные синдикалисты, отрицавшие диктатуру и рабочее государство, отрицают этим самую революцию. Это признак полного непонимания механики социальной борьбы и результат чисто отвлеченного, метафизического представления о классовой борьбе. Классовая борьба не бесформенная стихия, она имеет определенную форму и должна привести к определенным конкретным результатам, и когда рабочий класс побеждает, он должен зафиксировать свою победу в определенных организационных формах. Эти организационные формы как раз и представляют собою то, что мы называем рабочим государством, или государством переходного времени. Когда классы будут уничтожены и сопротивление эксплуататоров исчезнет, тогда органы репрессии и подавления отомрут, останутся только органы производства и распределения,—и мы вступим в развернутое коммунистическое общество.

Так обстоит дело с диктатурой пролетариата, если будет низвергнута буржуазия. Мы предположили, что синдикалистские организации это сделают, но поскольку они ничему не научились на примере русской революции и до сих пор

продолжают вести борьбу против всякой диктатуры, постольку эти организации совершенно не страшны для буржуазии. Анархическая метафизика не опасна для господствующих классов и я боюсь, что мое предположение о том, что анархо-синдикалисты низвергнут буржуазию и вынуждены будут построить рабочее государство, так и останется предположением, ибо их тактика может привести не к победе пролетариата, а к его поражению.

**
*

Итак, мы видим, что в основе отрицательного отношения революционных синдикалистов к Профинтерну лежит совершенно неправильное понимание взаимоотношений между экономикой и политикой, между политическими партиями и профсоюзами. Отсюда—и упорное сопротивление всех синдикалистов установлению какой бы то ни было связи между Профинтерном и Коминтерном.

После французских синдикалистов с их декларацией об абсолютной независимости и автономии на нашем Конгрессе выступили немецкие синдикалисты, которым Профинтерн не нравится, главным образом, потому, что он занимается революцией. Немецкие синдикалисты, это—своеобразная разновидность толстовских пацифистов. Синдикалистами они себя называют потому, что все время говорят о синдикализме, на самом же деле, это чистейшей воды толстовцы, которые имеют такое же ничтожное значение в рабочем движении Германии, какое толстовцы имели в рабочем движении России. Для немецких синдикалистов Профинтерн неприемлем уже потому, что он был организован в России, что к нему имеют отношение коммунисты. Толстовцам трудно понять и принять программу Коммунистического Интернационала, ибо они по преимуществу занимаются культуртрегерством, ставя во главу угла вопросы воспитания и индивидуального совершенствования, а не вопросы массовой борьбы рабочего класса против буржуазии. И эти-то синдикалистские пустынные хотят создать новый Интернационал! Профинтерн, видите ли, им не нравится, потому что он установил организационную связь с Коминтерном и принял революционную программу действий. Им нужен такой Интернационал, который бы провозгласил вечные и неизменные принципы, не угрожающие их мелко-

буржуазному существованию. И на своем с'езде в Дюссельдорфе в октябре 1921 года они попытались создать свой Интернационал, по образу и подобию своему. Для этого они пригласили представителя из Голландии, одного синдикалиста из Чехо-Словакии—других синдикалистов в Чехо-Словакии кроме этого «передвижника» нет—и воспользовались пребыванием в Германии ехавшего из России делегата I. W. W., Вильямса, для того, чтобы создать новый революционный, синдикалистский, абсолютно независимый, основанный на вечных принципах—одним словом, потусторонний Интернационал. Но это оказалось не так-то просто. Два-три толстовца, вкуче с единственным в своем роде представителем чехо-словацкого синдикализма и проезжим американцем—Интернационала все-таки создать не могли, и поэтому дело пришлось отложить.

Джордж Вильямс, этот типичный образчик американского обывателя, написал очень длинный доклад о своей поездке в Россию. В этом отчете он с поразительной прозорливостью повествует о том, что в России коммунизм еще не установлен, а так как этот обыватель уверен, что коммунизм можно установить в несколько месяцев, то он был обижен и разочарован. Из его доклада явствует, что он ничего не понял из того, что ему пришлось увидеть в России и услышать на Первом Конгрессе Революционных Профсоюзов. Для характеристики кругозора этого господина достаточно указать на следующее. Когда пишущий эти строки спросил его: «Почему I. W. W. отказывается ясно и точно высказаться за диктатуру пролетариата?», он ответил: «Видите ли, если мы выскажемся за эту формулу, то правительство Соединенных Штатов конфискует нашу типографию и закроет наше издательство».

Этот разочарованный обыватель обрисовал в таких мрачных красках Конгресс Профинтерна, что Исполнительный Комитет I. W. W. принял 10-го декабря следующее постановление:

«Исполнительный Комитет считает вступление I. W. W. в этот, так называемый, Интернационал не только нежелательным, но абсолютно невозможным. Мотивы следующие:

1) Конгресс определенно осудил тактику и политику I. W. W.

2) Красный Профинтерн носит политический характер и руководится политиками. В действительности, это коммунистическая партия, но под другой вывеской.

3) Все стремления клики, создавшей и контролирующей Профинтерн, сводятся к ликвидации всех рабочих организаций, отказывающихся подчиниться их дисциплине.

4) Красный Профинтерн имеет в виду также ликвидацию I. W. W.

5) Московский Конгресс не был действительным выражением международного революционного рабочего движения.

6) Даже, если бы мы и могли позволить себе совместно работать с какой-либо политической организацией, то во всяком случае I. W. W. не могут работать вместе с американской коммунистической партией».

Вот сколько преступлений числится за Профинтерном! Самое главное и тяжкое преступление это то, что Профинтерн не принял тактики и политики Индустриальных Рабочих Мира. Но разве Международный Конгресс может принять тактику и политику всех решительно организаций? Ведь если I. W. W. не согласятся вступить в Профинтерн потому, что Конгресс не принял их политику, а итальянские синдикалисты будут ультимативно требовать принятия их программы, если по этому пути пойдут представители всех стран, то никакой Интернационал не будет возможен. Мещанские элементы из I. W. W. представляют себе Интернационал в виде прекрасного благотворителя, который удовлетворяет решительно всех, принимает все программы, которые привозятся из всех стран, и в результате устанавливается «на земле мир и в человеках благоволение». Все довольны, ибо все программы приняты. Это наивное представление об Интернационале очень характерно для анархической идеологии. Однако, в этой наивности есть политический привкус. Борьба I. W. W. направлена против коммунистической партии Америки. Индустриальные Рабочие Мира объединились в Америке на почве протеста против реформистского рабочего движения. Революционной коммунистической партии в Америке тогда не было, а сейчас там существует коммунистическая партия, которая имеет все шан-

сы на то, чтобы завоевать симпатии рабочих масс. И поэтому для того, чтобы выделить свою организацию, подчеркнуть свои особенности и противопоставить себя всему революционному рабочему движению, I. W. W. высасывает из пальца целые шесть пунктов, которые мешают, видите ли, этой революционной организации войти в Профинтерн.

Недурно также утверждение о том, что Московский Конгресс не был действительным выражением революционного рабочего движения. Мы не знаем, что I. W. W. называет «революционным рабочим движением», но мы не сомневаемся, что когда они соберутся вместе с немецкими толстовцами и выработают общую резолюцию, они будут считать себя «действительными выразителями революционного рабочего движения». Мы же позволим себе сказать, что если немецких толстовцев помножить на I. W. W., то получится не «действительное революционное рабочее движение», а путаница в квадрате.

Французские синдикалисты, хотя и не так угловаты, но приблизительно также формулируют свою оппозицию Профинтерну. Уже 8 месяцев наши французские товарищи пытаются сформулировать, какой Профинтерн им желателен, и приходится признать, чем больше они формулируют, тем меньше ясности получается в их формулировке. До сих пор можно установить один только пункт: французские синдикалисты находятся в оппозиции против Профинтерна потому, что он связан с Коминтерном взаимным представительством: с этого началась оппозиция. Может-быть, читатель подумает, что французские синдикалисты попытались сформулировать какую-нибудь программу, разобрать принятые резолюции, высказать свое мнение относительно программы действий и противопоставить ей свою программу? Ничего подобного — они считают эти вопросы второстепенными. Самый главный вопрос — это, будет ли в Исполкомах Коминтерна и Профинтерна взаимное представительство, а программа действий, выработанная Первым Конгрессом Революционных Профсоюзов и являющаяся концентрированным опытом революционного движения всех стран, их не интересует. Я внимательно следил за всем, что писали французские синдикалисты в своих органах: «Ла Ви Увриер», «Синдикалист - Революционер» и «Либертер», и должен сказать, что ясную позицию нашел только у анархистов: господа из «Либертер» отлично знают, чего они

хотят. Они хотят создать новый Интернационал, состоящий исключительно из анархистов, при чем допускают туда и синдикалистов, если они будут подчиняться анархическому влиянию. Это хотя и нелепо, но ясно. Но как только мы переходим к нашим товарищам из «Ла Ви Увриер» и «Синдикалист-Революционер», начинается скачка с препятствиями. Товарищ Бенар пытался сформулировать свои желания: он предлагает созвать Международную Конференцию Синдикалистов, выработать ряд требований и пред'явить их коммунистам. Товарищ Кентон думает, что «с тех пор, как мы хотим построить настоящий автономный, антигосударственный Интернационал, нас уже не так настойчиво приглашают в Москву». Далее, он намекает на какую-то Конференцию в Милане, которая должна состояться после Генуи, при чем утверждает, что «Конференция является попыткой почетной ликвидации Профинтерна в пользу Амстердамского Интернационала. Амстердамский Интернационал кажется в глазах Москвы менее опасным, чем тот, который мы хотим создать. Возможно, что это иллюзия, но иллюзия это или нет, мы сделаем с нашей стороны все возможное, чтобы Федералистический Интернационал образовался и чтобы он имел свое место в Москве. Будет очень пикантно, если нам откажут в этом». Оказывается, что Москва хочет ликвидировать Профинтерн, а товарищ Кентон, вопреки Москве, не только не хочет ликвидировать, а даже против нашей воли—хочет установить местопребывание Профинтерна у нас, в Советской России. Это очень большая жертва со стороны товарища Кентона, который преподносит нам свой антигосударственный Федералистический Интернационал, но все же это настроение не должно бы давать товарищу Кентону основания писать заведомый вздор, ибо товарищ Кентон, по всей вероятности, читал резолюцию последнего пленума Коминтерна, в которой осуждаются всяческого рода проекты, исходившие от Пауля Леви и Фрисланда, о ликвидации Профинтерна. Если он этой резолюции не читал, то мы советуем ему прочесть ее и впредь внимательнее следить за коммунистической прессой. иначе он рискует попасть впросак.

Итак, наши французские товарищи хотят иметь федералистический и антигосударственный Интернационал, т.е. такой Интернационал, в котором каждая организация делала бы, что ей нравится, а раз в год они все собирались бы для

совместного исполнения революционных песен. Строго говоря, это должно быть международное общество для пения революционных песен, а не Интернационал действия и борьбы. Федералистический Интернационал, о котором мечтают эти товарищи, не должен руководить действиями отдельных организаций, он может лишь регистрировать все то, что им вздумается сделать. Эта мечта зовет нас назад: мы видели такие Интернационалы, в частности мы видели их за работой, когда началась война. Социальная революция ни на шаг не приблизится к победе, если мы поставим еще один почтовый ящик и на нем сделаем надпись: «Федералистический Интернационал». Революция может победить только тогда, когда Интернационал станет действительно активной силой, когда он будет объединять все растущее движение масс и координировать их действия, когда он будет устраивать международные выступления, когда рабочие одной и той же профессии во всем мире или рабочие всех профессий смогут выступить в один и тот же день во имя одного и того же лозунга. Тот, кто противопоставляет такому действительному Интернационалу—Интернационал «федералистический», тот на деле отказывается от всякого Интернационала и отбрасывает рабочее движение на десятки лет назад, тот закрывает глаза на цели и задачи рабочего движения. Далее они заявляют, что они хотят антигосударственного Интернационала. Пока Кентон не объяснил нам, что следует понимать под этим термином, мы можем высказывать только наши догадки. По всей вероятности, это такой Интернационал, который, вместо того, чтобы учиться на опыте живой жизни, должен построить свою программу и тактику на брошюрах Бакунина и Кралоткина. Если член французской коммунистической партии Кентон думает создать какой-нибудь другой антигосударственный Интернационал, то пусть так и скажет,—мы будем очень рады узнать, наконец, что это такое. А, может-быть, это такой Интернационал, который должен бороться против всякого государства? Анархисты, как известно, всегда боролись против всякой диктатуры, против всякого государства, они не желают считаться ни со временем, ни с пространством. Мы должны сказать, что эти вневременные и внепространственные, потусторонние теории не для нас. Наш Интернационал будет тоже антигосударственным, ибо он будет вести борьбу против буржуазного государ-

ства, он будет бороться за то, чтобы рабочий класс каждой страны сверг свою буржуазию и создал свое рабочее государство, и когда рабочие каждой страны создадут свои государства, то Профинтерн будет делать все, от него зависящее, чтобы защитить эти государства, ибо это будут государства трудящихся и эксплуатируемых.

Другой из авторов идеи о потустороннем Интернационале, тов. Бенар, пред'являет к Интернационалу еще одно требование: по его мнению, синдикализм непременно должен занимать в Интернационале почетное место. Мы вообще не против почетных мест, но Интернационал, это не департамент герольдии, он не выдает крестов Почетного Легиона тем или другим направлениям или организациям. Почетное место в международном рабочем движении синдикалисты обеспечат себе постольку, поскольку они сумеют справиться с буржуазией, заставят замолчать реакцию и, наконец, низвергнут господствующий класс. Мы смеем думать, что русский пролетариат имеет, во всяком случае, не меньше прав на почетное место, чем французские синдикалисты, но я не помню, чтобы мы до сих пор требовали от кого бы то ни было формального признания наших заслуг, наград и почетных мест. Почетные места в Интернационале приобретаются в борьбе с буржуазией. Вы хотите добиться почетного места, тов. Бенар? Пожалуйста, добивайтесь, мы будем очень рады!

**
*

Крайне любопытно также отношение итальянских синдикалистов к Профинтерну. Представитель «Унионэ Синдикалэ Италияна», Борги, в 1920 г. сделал официальное заявление о том, что его организация присоединяется к Коммунистическому Интернационалу. Но это было чисто словесное присоединение. Когда выяснились те колоссальные трудности, с которыми приходится бороться русской революции и русскому пролетариату, среди итальянских синдикалистов все чаще стали раздаваться голоса, упрекающие русскую революцию в том, что она не следует анархическим заповедям.

Представители того же Союза Итальянских Синдикалистов приехали, хотя и с опозданием, на Первый Конгресс Революционных Союзов и присоединились к принятым Конгрессом решениям, но немедленно же по их возвращении в «Уни-

онэ Синдикалэ Итальяна» началась упорная борьба против Профинтерна. Во главе противников Профинтерна выступает Борги, тот самый Амандо Борги, который приезжал в Москву и делал устные и письменные заявления о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Почему же Борги теперь против Профинтерна? Он выдвигает те же доводы против Профинтерна, что и немецкие толстовцы и французские анархо-синдикалисты. Ему, видите ли, хотелось бы создать такой Профинтерн, который, как две капли воды, походил бы на «Унионэ Синдикалэ Итальяна»: он хочет федерализма, хочет абсолютной независимости от политической партии,—и, помимо всего прочего, он требует почетного места для синдикалистов в Интернационале Профсоюзов, при чем это почетное место он принимает в виде исключительного и преобладающего влияния синдикалистов в Профинтерне. Последний с'езд «Унионэ Синдикалэ Итальяна» показал, до какой ступеньки докатились теперь итальянские синдикалисты. Речь Борги была обвинительным актом против русской революции, Борги стал защитником Махно и махновщины. Борги не нравится то, что Советская власть борется против анархистов. У Борги имеется своя собственная теория революции, и он очень недоволен тем, что Россия делает свою революцию, совершенно не считаясь с частными теориями Борги. Все это понятно, непонятно только, почему Борги не применяет своей прекрасной теории в Италии? Казалось бы, проще всего было бы по своему рецепту устроить революцию в своей собственной стране, показать не на словах, а на деле русским рабочим, как следует избегать ошибок. Однако, анархисты и синдикалисты от этого простого метода уклоняются, предпочитая поучать русских рабочих душеспасительными разговорами и обличительными речами. Длиннейшая резолюция Джиованетти, принятая по вопросу о Профинтерне, пережевывает на разные лады все ту же анархистскую жвачку, провозглашает свою пламенную любовь к независимости и требует создания федералистического Интернационала, при чем заявляет об абсолютной необходимости созыва с'езда вне России. Это требование устроить с'езд вне России является продуктом итальянского творчества. Правда, немецкие толстовцы тоже приложили к этому свою руку, но честь обработки этих идей принадлежит итальянцам вообще и Борги—в особеннос-

сти. В свое время один из немецких синдикалистов, Роккер, писал, что он отказывается ехать на Первый С'езд Революционных Профсоюзов, потому что делегаты живут в отеле «Люкс» за счет государства, а это противоречит его убеждениям. Казалось бы, чего проще: приехать в Москву и вместо того, чтобы бесплатно жить в отеле «Люкс»,—платить за содержание. Но нет! У Роккера голова иначе устроена: так как он не хочет жить бесплатно в отеле «Люкс», то он не может ехать на Международный С'езд Профсоюзов. Эта элементарная мысль Роккера была переложена на итальянскую музыку Борги. Теперь Борги идет дальше и в интересах «независимости» профдвижения требует созыва с'езда вне России. Если Борги обеспечит нам возможность собраться в Милане, расправившись предварительно со своей буржуазией по примеру русского пролетариата, то мы с удовольствием приедем в Милан. А если бы Борги, вместо деклараций и резолюций, просто сказал, что «Унионэ Синдикалэ Итальяна» предлагает созыв с'езда в Милане и что он берет на себя задачу обеспечить неприкосновенность с'езда, то и тогда мы нашли бы возможным об этом разговаривать. Но ведь Борги прекрасно знает, что в Италии созыв с'езда невозможен, что этот с'езд невозможно созвать ни во Франции, ни в Италии, ни даже в Германии, а раз он это знает, то зачем же начинает эти разговоры, в свое время начатые Д'Арагоной? Реформист Д'Арагона требовал перенесения с'езда за границу, а «революционер» Борги повторяет теперь это требование, забывая, что с'езд революционных союзов может быть созван только в стране революции. Русские профсоюзы не на словах, а на деле показали, как надо бороться с буржуазией, и анархо-синдикалистам есть чему поучиться в Советской России. Если бы Борги и его друзья хоть немного задумались над этим вопросом, они поняли бы, что в их невинном на первый взгляд предложении таится антиреволюционная мысль.

«Унионэ Синдикалэ Итальяна» пошел еще дальше. Торжественно выразив в своей резолюции недоверие к Советскому правительству и доверие ко всем буржуазным правительствам Европы и Америки, эти необыкновенные революционеры, между прочим, постановили:

«Исключить из профессионального Интернационала те профсоюзы и профессиональные меньшинства, которые

примыкают к Желтому Амстердамскому Интернационалу, хотя бы даже при посредстве профессиональной федерации.

Ограничить деятельность и руководство профессионального Интернационала задачами и работой международного характера».

Попробуем разобраться в том, что означают эти два пункта. Первый из них требует исключения примыкающих к Профинтерну меньшинств. Таким образом, три миллиона революционных рабочих, входящих в союзы Германии, должны быть исключены из Профинтерна потому, что центры, к которым они формально примыкают, входят в Амстердамский Интернационал. До этого итальянские товарищи додумались только сейчас. Если бы они это предложили 3 месяца тому назад, то из Профинтерна должно было бы быть исключено меньшинство Всеобщей Конфедерации Труда Франции, ибо революционные синдикалисты Франции только несколько месяцев тому назад образовали отдельную организацию. Если бы то, что итальянские синдикалисты провозглашают сейчас, было действительно их принципом, они требовали бы этого и раньше, но мы что-то не встречали в прессе итальянских синдикалистов требования об исключении из Профинтерна Комитета Революционных Синдикалистов Франции. Почему же они сейчас выставили это требование? Им хочется остаться в своей компании. Теперь, когда создана Унитарная Конфедерация Труда и революционные синдикалисты от такого принципа не пострадают, они с пафосом выдвигают этот новый принцип и готовы обвинить Профинтерн в оппортунизме и всех других смертных грехах за то, что он иронически относится к такого рода принципам.

Если этот пункт в значительной степени объясняется демагогическими соображениями, то совершенно непонятным является следующий пункт. Что значит «ограничить деятельность и руководство профессионального Интернационала задачами и работами международного характера»? Если эти слова имеют какой-нибудь смысл, то это значит следующее: профессиональный Интернационал должен предоставить каждой организации, к нему примыкающей, делать все, что она хочет и как она хочет, на своей территории. Интернационал должен ограничиваться работой международного харак

тера. А что это значит—заниматься работой международного характера? Возьмем происходящий в настоящее время локаут английских металлистов. Должен ли Профинтерн реагировать на него лишь посылкой радио и призывом к денежной помощи, или он может и должен столкнуться со сторонниками Профинтерна в Англии относительно методов противодействия наступающему капиталу? Работы международного характера, внетерриториальной, не существует, вся международная деятельность имеет в своей основе национальную организацию, и то ограничение, которое вносит «Унионэ Синдикалэ Итальяна», превращает Интернационал не в орган действия, а в машину для выработки никого ни к чему не обязывающих деклараций. Этим пунктом «Унионэ Синдикалэ Итальяна» выговаривает себе право делать на территории Италии все, что ему взбредет в голову, и нападать на Интернационал, принадлежа к нему; провозглашать о своей пламенной любви к русской революции, обливая грязью русский пролетариат; заявлять о своем принципиальном присоединении к Коминтерну, и вместе с тем называть Коминтерн шайкой политика-нов; провозглашать революционные лозунги и вести оппортунистическую политику; много говорить и мало делать,—вот какие права хотят обеспечить себе анархистские политики из «Унионэ Синдикалэ Итальяна» по отношению к Интернационалу.

Но нужен ли вообще Интернационал при таких условиях? Очевидно, нет. Кто хочет Интернационала действия, а не Интернационала слов, тот не может согласиться с такой, выражаясь мягко, нелепой формулировкой, чтобы Интернационал занимался исключительно разговорами международного характера. Когда спрашиваешь у анархо-синдикалистов, какого Интернационала они хотят, они отвечают, что они требуют Интернационала действия, но когда пытаешься узнать у них, что же означает этот Интернационал действия, они выдвигают свой федералистический принцип, который можно приблизительно формулировать так: каждая данная организация может делать то, что она хочет, а Интернационал не имеет при этом права вмешиваться. Ясно, что анархо-синдикалисты сами не совсем ясно понимают то, о чем они говорят, ибо Интернационал действия, революционный Интернационал, исключает абсолютную независимость каждой национальной организации

от Интернационала. Интернационал создается на основе добровольной дисциплины, никаких внешних методов принуждения Интернационал в своем распоряжении не имеет, и если рабочие пришли к мысли о необходимости создать Интернационал, то только потому, что классовая борьба стала международной и что только в международном масштабе можно победить капитализм. Наши итальянские синдикалисты еще не дошли до понимания этой простой истины и поэтому они пытаются замкнуться в своих национальных рамках, окопаться в своей национальной траншее, думая, что разговорами о федерализме можно заменить борьбу против национальной и международной буржуазии.

К сожалению, эта национальная ограниченность свойственна не только итальянским синдикалистам, она проглядывает также и у шведских синдикалистов, которые в своем ответе на письмо Профинтерна пишут следующее: «Международная организация в наше время международной реакции имеет огромное значение, хотя мы и не могли еще убедиться в том, что она является жизненной необходимостью». Это поистине великолепно! Они сомневаются, является ли международная организация «жизненной необходимостью»? Здесь, в этой формуле квинт-эссенция анархического «федерализма» и непонимания исторических задач рабочего класса. Больше того: здесь проявляется абсолютная оторванность этих групп рабочих от общей классовой борьбы, мелко-буржуазная национальная ограниченность торжествует свою победу над революционно-пролетарской идеологией.

**
*

Мы видим, таким образом, что каждый раз, как революционные синдикалисты начинают выступать против Профинтерна, против его программы и тактики, они быстро скатываются к антиреволюционной теории и практике. Эта антиреволюционная идеология является следствием их анархического мировоззрения. Ибо в чем суть анархизма? В том, что он в своих построениях исходит не из понятия класса, а из понятия индивидуума, не из движения масс, а из выступлений инициативного меньшинства. Анархисты стремятся подогнать жизнь под свои формулы; они считают, что метафизическое построение обязательно для истории. Вместо изучения кон-

кретных условий борьбы, вместо детального ознакомления с обстановкой, в которой борется рабочий класс, анархист приходит, чертит свои формулы и говорит: «я хочу, чтобы история двигалась по этому пути». Но история никогда не считается с формулами, абстрактные построения не обязательны для исторических событий, и мы видим, как анархизм остается в стороне от движения масс, ковыляет вслед за быстро катящейся колесницей истории и, не поспевая за ходом событий, начинает жаловаться на революцию и обливать грязью ее руководителей. В последние годы мы видели анархизм за работой. Где, в какой стране анархизм сыграл серьезную роль в рабочем движении? Даже в Испании, этой родине анархизма, он ничего не дал рабочему классу: он ничему не научился ни от войны, ни от русской революции. Более того, русская революция показала истинную природу анархизма. Там, где анархизм хотел творить, где он хотел вести свою собственную линию, там эта линия была антирабочая и антиреволюционная. Анархисты оказались щепкой на волнах кулацкой стихии и орудием в руках контр-революции. Вот почему вся эта анархистская болтовня, которая начинает кружить головы некоторым из руководителей Унитарной Конфедерации Труда Франции, «Унионэ Синдикалэ Итальяна» и некоторых других организаций, может принести величайший вред. Она представляет собой опасность потому, что анархисты раскалывают единый фронт революционного рабочего движения. Анархизм был всегда бесплоден, как библейская смоковница, и ничего реального, ничего практического, ничего конкретного он не дал и не может дать рабочему классу.

Вот уже в течение 8 месяцев анархо-синдикалисты нападают на Профинтерн и обвиняют его руководителей в политиканстве, но попытались ли они разобрать по существу принятые резолюции, попытались ли они выработать другую программу действия, предложить что-нибудь дельное рабочим, которые находятся в их организациях? Анархисты и анархо-синдикалисты обычно говорят, что они хотят интегрального социализма, т.-е. немедленной революции. Но что толку в этом их хотении? В какой стране анархисты хоть на шаг подвинули вперед дело рабочего класса и борьбы с буржуазией? Характерно ведь, что буржуазная реакция не перестает свирепствовать, не обращая никакого внимания на революционные за-

явления поклонников немедленного социализма. Французская буржуазия продолжает, как ни в чем не бывало, играть первую скрипку в международном реакционном концерте, а руководители Унитарной Конфедерации Труда вместо того, чтобы направить свое внимание на борьбу против своей буржуазии и своей реакции, занимаются нападками на русскую революцию и на большевистское правительство. Здесь они идут вместе со всей не только реформистской, но и националистической прессой, при чем у них не хватает революционного чутья даже на то, чтобы понять эту странную связь и это странное совпадение.

Если внимательно рассмотреть все то, что синдикалисты писали против Профинтерна за последние 7—8 месяцев, если перебрать все их аргументы, то в общем и целом все их утверждения сводятся к тому, что синдикалисты, мол, хотят сами, без чьей бы то ни было помощи, сделать революцию, а Профинтерн и Коминтерн хотят помешать им в этом. Мы смеем уверить синдикалистов, что им никто революцию сделать не помешает. Мы никогда не станем мешать действиям революционных синдикалистов против буржуазии, но мы всегда будем разоблачать тех, кто слова выдает за дела. Судя по сообщениям анархо-синдикалистской прессы, анархисты хотят создать свой Интернационал. В этом смысле высказалась и декабрьская международная конференция анархистов в Берлине. Создав революционно-синдикалистский Интернационал под покровительством анархистов, революционные синдикалисты объявят его, само собою разумеется, самой независимой и самой автономной организацией в мире. Но мы так много слышали уже о независимости и автономии, что не можем доверять этого рода заявлениям. Ведь Амстердамский Интернационал тоже на всех перекрестках кричит о своей независимости и автономии. Реформистская Конфедерация Труда Франции не пропускает ни одного удобного и неудобного случая, чтобы торжественно не провозгласить свою пламенную преданность Амьенской Хартии, и все реформистские организации, которые идут на поводу не только у социал-демократии, но и у буржуазии своей страны,—все они являются рыцарями автономии и независимости, при чем, как это всегда бывает, чем больше они зависимы от буржуазии, тем больше они кричат о своей независимости от коммунизма.

Наши товарищи, революционные синдикалисты, проделывают то же самое: чем больше они кричат о независимости, тем теснее они связывают себя с анархизмом, т.-е. с мелкобуржуазной идеологией, а так как мы уже много раз видели, как чемпионы независимости внезапно переходят с оружием и обозом в лагерь наших классовых врагов, то мы совершенно спокойно проходим мимо всего этого шума, заявляя анархо-синдикалистам всех стран: коммунисты предлагают вам блок; они искренно хотят создать вместе с вами единый фронт для борьбы против реформизма и против буржуазии. Вы не хотите этого блока? Вы хотите создать отдельный Интернационал? Ваш Интернационал заранее осужден на бесплодие. Мы пойдем к рядовым членам ваших организаций и открыто скажем им: «Те, кто натравливает вас на коммунистов, кто заставляет вас видеть в коммунистах ваших врагов, кто призывает вас протестовать и бороться против Советской России, Коминтерна и Профинтерна,—те делают дело буржуазии, а не пролетариата, те выполняют антиреволюционную и антирабочую роль». Вот что мы скажем совершенно открыто рабочим ваших организаций. Мы вам предлагали и предлагаем союз. Мы создали организацию, в которой коммунисты, анархисты, синдикалисты и все левые профессионалисты могли бы совместно работать, но вы вместо товарищеской работы пред'являете нам ультиматумы и требуете, чтобы большинство организованых революционных рабочих подчинялось анархо-синдикалистскому меньшинству. Мы много месяцев ждали, надеясь, что вы сами поймете, что вы делаете, но вы с каждым днем идете все дальше и дальше назад по пути борьбы против русской революции, Коммунистического Интернационала и Красного Интернационала Профсоюзов. Ну, что же, вы хотите борьбы? Вы ее будете иметь.

(«Коммунистический Интернационал», № 21, апрель 1922 г.).

